

УДК 342.1; 321.011; 34.03:004.73(100); 34:[002:004.7]
МРНТИ 10.15.41; 10.19.51; 10.19.25

М.Б. Садықов¹, Д.В. Воронков²

¹Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

²Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и этические основы использования систем искусственного интеллекта в сфере обработки персональных данных, ответственности за возможный вред, а также условий признания искусственного интеллекта в качестве субъекта права.

Концептуальное моделирование позволяет провести анализ правовых и этических подходов к искусственному интеллекту на стыке технологической автономии и институциональной ответственности. Подчеркиваются требования к прозрачности и объяснимости обработки данных, справедливому распределению ответственности за ошибки, гибкому регулированию и этическим кодексам, а также к общественному участию, обеспечивающему легитимное и социально устойчивое внедрение искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовое регулирование; этика; прозрачность; субъектность; управление; цифровое рабство.

М.Б. Садықов¹, Д.В. Воронков²

¹Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы

²В.Ф. Яковлев атындағы Урал мемлекеттік заң университеті, Екатеринбург қ., Ресей Федерациясы

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ЖҮЙЕЛЕРІН ПАЙДАЛАНУ САЛАСЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ЭТИКАЛЫҚ НЕГІЗДЕР

Аннотация. Мақалада жеке деректерді өңдеу саласында жасанды интеллект жүйелерін пайдаланудың құқықтық және этикалық негіздері, ықтимал зиян үшін жауаптылық, сондай-ақ жасанды интеллектті құқық субъектісі ретінде тану шарттары қарастырылады. Тұжырымдамалық модельдеу технологиялық автономия мен институционалдық жауаптылықтың қиылысында жасанды интеллектке құқықтық және этикалық тәсілдерді талдауға мүмкіндік береді. Деректерді өңдеудің ашықтығы мен түсіндірілуіне, қателіктер үшін жауаптылықты әділ бөлуге, икемді реттеуге және этикалық кодекстерге, сондай-ақ жасанды интеллектті заңды және әлеуметтік тұрақты енгізуді қамтамасыз ететін қоғамдық қатысуға қойылатын талаптарға баса назар аударылады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; құқықтық реттеу; этика; ашықтық; субъектілік; басқару; цифрлық құлдық.

M.B. Sadykov¹, D.V. Voronkov²

¹ The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan

²Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, the Russian Federation

LEGAL AND ETHICAL FOUNDATIONS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Abstract. The article discusses the legal and ethical foundations of the use of artificial intelligence systems in

the field of personal data processing, liability for possible harm, as well as the conditions for recognizing artificial intelligence as a subject of law.

Conceptual modeling makes it possible to analyze legal and ethical approaches to artificial intelligence at the intersection of technological autonomy and institutional responsibility. The requirements for transparency and explainability of data processing, fair distribution of responsibility for errors, flexible regulation and ethical codes, as well as for public participation ensuring legitimate and socially sustainable implementation of artificial intelligence are emphasized.

Keywords: artificial intelligence; legal regulation; ethics; transparency; subjectivity; governance; digital slavery.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_54

Введение. Эволюция вычислительных технологий, сопровождающаяся существенным ростом производительности компьютерных систем, предопределила появление систем искусственного интеллекта (далее – ИИ). Под такими системами понимаются программные или программно-аппаратные комплексы, наделенные способностью к автономному принятию решений без непосредственного участия человека-оператора.

В феврале 2017 года Европейский парламент инициировал обсуждение возможности установления для сложных робототехнических систем особого правового статуса – «электронной личности», функционирование которой связано с самостоятельным выбором поведенческих алгоритмов. Первоначально эта идея была поднята в контексте использования автономных транспортных средств, однако на практике сфера применения ИИ значительно шире. В научной литературе и в правовых дискуссиях отмечается его активное внедрение в банковской сфере¹, в военной области², а также в рекламе и страховании³.

Любая мощная технология перестраивает общество, изменяя не только способы жизни и труда людей, но и то, как человек осмысляет собственную сущность. Сегодня ИИ стимулирует экономическое развитие, трансформирует социальные структуры и влияет на функционирование государственных институтов. В отличие от прежних технологических прорывов,

таких как Интернет, который в основном революционизировал коммуникацию, ИИ затрагивает более глубокие вопросы, связанные с личностью, поведением и даже сознанием.

ИИ выполняет не просто задачи и не только оптимизирует процессы – он ставит под вопрос границу между человеческим и искусственным. Имитация решений и эмоций, ранее считавшихся исключительно человеческими, заставляет задуматься о природе действия, знания и свободы. В этом смысле ИИ выступает не только как двигатель прогресса, но и как зеркало, отражающее наши представления о человеческом существовании.

Подобные трансформации неизбежно влияют на человеческое сознание и общественное восприятие новых технологий, одновременно создавая вызовы для защиты фундаментальных прав и поддержания правовой определенности. Решение этих вызовов требует не только этической рефлексии, но и построения всеобъемлющей системы правового регулирования взаимодействия «человек – искусственный интеллект» на основе принципов законности, соразмерности и ответственности.

На современном этапе комплекс правовых и этических вопросов можно обозначить следующим образом:

- пересмотр индивидуальных и коллективных этических рамок в целях соблюдения фундаментальных прав и демократических ценностей;

¹ Сбербанк предпочел искусственный интеллект рекомендациям «Базеля» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/24/10/2017/59ede6029a79472245493e73> (дата обращения: 10.10.2025).

² Why we must not build automated weapons of war [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://time.com/4948633/robots-artificial-intelligence-war/> (дата обращения: 10.10.2025).

³ Artificial Intelligence in Insurance – Three Trends That Matter [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://emerj.com/ai-sector-overviews/artificial-intelligence-in-insurance-trends/> (дата обращения: 10.10.2025).

- разработка качественных и количественных критериев для оценки этического поведения с возможностью их юридического применения;

- создание механизмов этического выбора, поддерживаемых юридически закрепленными критериями принятия решений, включая гарантии надлежащей правовой процедуры;

- регулирование взаимодействия человека с интеллектуальными системами с особым вниманием к режимам ответственности, распределению вины и стандартам подотчетности;

- формирование механизмов управления общественным взаимодействием с ИИ, включая меры предосторожности в высокорисковых секторах – безопасности, финансах, здравоохранении и публичном администрировании;

- выработка обязательных правовых норм, регулятивных механизмов и процедур надзора, обеспечивающих законность, прозрачность и подотчетность функционирования систем ИИ.

Большинство современных систем ИИ демонстрирует тенденцию к антропоморфизму. Это относится не только к гуманоидным роботам, но и к более широкому спектру задач, которые выполняет ИИ, ускоряя или совершенствуя человеческую деятельность. На более глубоком уровне такие системы отражают субъективные установки их создателей, а архитектура искусственных нейронных сетей, наиболее распространенной формы ИИ, метафорически воспроизводит топографию человеческого мозга. Еще в 1996 году Барретт и Кайл показали, что, сталкиваясь с представлением о «всемогущем ИИ», люди инстинктивно наделяют его человеческими чертами [1]; [2].

До XX века человек признавался единственным предсказуемым субъектом в рамках человеческой деятельности. Сегодня же можно говорить о возникновении условных субъектов, способных оказывать ощутимое влияние на отдельную личность и общество в целом. Эти сущности не являются людьми, хотя созданы человеком. Как

программные продукты интеллектуальные системы способны удерживать внимание и побуждать к определенным действиям. Такое влияние может способствовать позитивным социальным изменениям, но при неосторожном применении способно привести к негативным последствиям.

Поведение человека в обществе традиционно регулируется множеством нормативных систем: правовыми нормами, этическими принципами, религиозными предписаниями, корпоративными кодексами и обычаями. Сосуществование этих разнородных норм нередко порождает противоречия и конфликты, создавая неопределенность в регулировании и правоприменении. С правовой точки зрения, минимизация таких расхождений является ключевой задачей правотворчества и развития законодательства, направленной на гармонизацию нормативных систем, обеспечение согласованности в защите прав и поддержание правовой определенности в управлении как человеческими, так и искусственными агентами.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составили законодательство Республики Казахстан (далее – РК) (Закон РК «О персональных данных и их защите», Кодекс РК «Об административных правонарушениях» (далее – КоАП РК) и иные акты, регулирующие цифровые технологии и ИИ), Российской Федерации (далее – РФ) (Федеральный закон «О персональных данных», Кодекс об административных правонарушениях РФ, Уголовный кодекс РФ), акты Европейского союза (GDPR и Регламент об искусственном интеллекте), а эмпирическую базу – статистические и аналитические материалы международных организаций, а также отчеты о цифровой трансформации.

Теоретическую основу исследования составили научные труды ученых в области философии функционирования цифровых систем, этике ИИ, правовому регулированию ИИ.

Основным методом исследования выступает моделирование, поскольку этот подход позволяет представить

различные сценарии интеграции систем ИИ в функционирование общества и государства. Разработанные в рамках исследования модели основаны на трех ключевых критериях. Первый связан с возможностями и ограничениями ИИ при обработке информации, доступ к которой ограничен. Второй касается вопросов юридической ответственности за действия физических объектов, управляемых системами ИИ. Третий критерий направлен на изучение потенциальной субъектности и правоспособности ИИ, включая сопоставление и различие между человеческой личностью и ИИ.

Кроме моделирования применены: сравнительно-правовой метод для сопоставления подходов РК, РФ и Европейского союза к регулированию ИИ; доктринальный анализ для систематизации подходов к этическому регулированию ИИ.

Результаты, обсуждение.

ИИ и информация с ограниченным доступом

В РК правовое регулирование обработки персональных данных осуществляется в соответствии с Законом «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав граждан при использовании автоматизированных систем в банковской, медицинской, образовательной и иных сферах, где принимаемые решения могут влиять на законные интересы человека. В случаях выявления незаконных действий, связанных со сбором, обработкой либо несанкционированным доступом к персональным данным, а также при установлении фактов утечки информации или несоблюдения требований законодательства РК в области электронных документов и электронной цифровой подписи граждане могут направлять обращения в уполномоченный государственный орган по вопросам защиты персональных данных (Комитет информационной безопасности Министерства искусственного интеллекта и цифрового развития РК). Согласно

части 1 статьи 692-2 КоАП РК, Комитет по информационной безопасности наделен полномочиями рассматривать дела, относящиеся к нарушениям законодательства в обозначенных сферах, ответственность за которые установлена статьями 79, 640 и 641 КоАП РК.

Основным нормативным актом, регулирующим обработку персональных данных в РФ, является Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных». Статья 16 закрепляет правовые основания автоматизированной обработки, включая использование систем ИИ. Она запрещает принятие решений, основанных исключительно на автоматизированной обработке данных, если такие решения создают юридические последствия для субъекта, и требует обеспечения защиты его прав и интересов, а также предоставления понятных разъяснений и рассмотрения возражений.

Применение ИИ для сбора и обработки персональных данных допускается только при наличии предварительного, добровольного и информированного согласия субъекта. За нарушения установлена административная (ст. 13.11 КоАП РФ) и уголовная ответственность (ст. 137 УК РФ). ИИ в этой сфере может играть двойственную роль – как инструмент получения данных и как механизм их защиты⁴. Так, отдельные решения позволяют выполнять идентификацию личности без хранения полной копии документа: система ИИ разделяет изображение паспорта на фрагменты и проводит проверку на их основе, ограничивая доступ операторов к исходной базе⁵.

С 25 мая 2018 года в странах ЕС действует Общий регламент по защите данных (GDPR), который заменил Директиву 95/46/ЕС. Среди ключевых нововведений – увеличение штрафов, требование явного согласия субъекта, признание IP-адресов и идентификаторов устройств персональными данными, включение биометрической и генетической информации в особую

⁴ A powerful solution to manage privacy data [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.elinar.com/ai/privacy-gdpr/> (дата обращения: 31.08.2025).

⁵ KYC Brain. Simple, Efficient, Secure Solution for Compliance [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kycbrain.com/#About> (дата обращения: 31.08.2025).

категорию, расширение «права на забвение» до «права на удаление» данных.

В июле 2024 года принят Регламент об искусственном интеллекте (Regulation (EU) 2024/1689), ставший первой комплексной правовой рамкой регулирования ИИ. Он направлен на обеспечение безопасности, прозрачности, прослеживаемости и недискриминационности систем ИИ, сохраняя при этом инновационный потенциал Европы. Акт вводит риск-ориентированный подход: запрещенные, высокорисковые и низкорисковые категории систем.

В контексте обработки данных можно выделить два противоположных подхода. Первый основан на доверии к автоматизированной обработке: пользователи считают, что «без участия человека данные остаются в безопасности». Второй – на недоверии, которое может усилиться после масштабных утечек данных, вызвавших общественный резонанс.

Отдельную проблему представляет использование пользовательских данных для обучения систем ИИ. В 2019 году стало известно, что IBM применила миллионы изображений из социальных сетей для обучения нейросети распознавания лиц [3]. Хотя данные распространялись по лицензии Creative Commons, допускающей технологическое использование без отдельного разрешения, такие практики остаются спорными, поскольку интересы инноваций и защиты частной жизни могут вступать в конфликт.

Ответственность за действия физических объектов, находящихся под автоматизированным управлением

Главная особенность современных интеллектуальных систем заключается в способности к обучению и адаптации. Эффективность таких систем зависит от качества исходных данных, на основе которых они выявляют закономерности и формируют алгоритмы поведения. Однако, как и в случае с человеческим обучением, ни один процесс подготовки не способен предусмотреть все возможные сценарии, вследствие чего ошибки остаются неизбежными. Наибольшие риски возникают тогда, когда подобные

системы управляют физическими объектами, от функционирования которых зависит безопасность людей. Примером могут служить транспортные средства с автоматическим управлением или автономные технические комплексы военного назначения.

Сложность правового регулирования обусловлена тем, что механизмы принятия решений остаются закрытыми для анализа. Разработчики, ссылаясь на коммерческую тайну, не раскрывают алгоритмы, использованные при обучении и принятии решений. Первые инциденты, связанные с тестированием автономных транспортных средств, продемонстрировали, что ошибка распознавания препятствий или неверная реакция системы может привести к тяжким последствиям [4]. Эти риски принято разделять на технические (ошибки идентификации объектов) и этические, возникающие в ситуациях, где выбор между альтернативами предполагает ущерб в любом случае. Исследователи отмечают, что в чрезвычайных обстоятельствах такие системы, как человек, вынуждены принимать решения в условиях ограниченного времени и неполной информации [5].

Особое значение приобретают вопросы ответственности. Предлагается несколько моделей распределения вины: возложение ее на производителя, владельца, оператора либо установление совместной ответственности. В некоторых предложениях рассматривается возможность внедрения механизма «этической настройки», когда владелец системы заранее выбирает режим поведения – от нейтрального до альтруистического [6]. Однако для военной техники подобный подход невозможен. Автономные системы, способные самостоятельно применять силу, создают серьезные правовые и моральные вызовы. Применение таких устройств при отсутствии прямого человеческого контроля ставит под сомнение принцип различения комбатантов и гражданских лиц, закрепленный в международном гуманитарном праве [7].

С гуманитарной точки зрения использование летальных автономных систем должно быть запрещено [8], однако

тенденции развития технологий указывают на то, что их внедрение практически неизбежно. Исторически большинство инноваций проходили апробацию в военной сфере, и автоматизированные решения вряд ли станут исключением. В этой связи актуальным становится вопрос международно-правового контроля, транспарентности и ограничения автономных решений в сфере безопасности.

Возможность признания автоматизированных систем субъектом права

С усложнением архитектуры интеллектуальных систем усиливается интерес к вопросу об их потенциальной субъектности. Люди нередко проявляют эмпатию к технологическим объектам, воспринимая их как «партнеров по взаимодействию» – будь то голосовые помощники, образовательные роботы или игровые платформы. В ряде случаев прекращение функционирования таких устройств вызывает у пользователей эмоциональные реакции, сходные с переживанием утраты [9]. Это ставит более широкий философско-правовой вопрос: может ли искусственно созданная система в принципе быть признана аналогом человеческой личности.

Для обсуждения этого вопроса необходимо рассмотреть несколько критериев. Первый – наличие осознанности. Современная когнитивная наука не дает единого определения сознания, что затрудняет однозначное отрицание способности машин к осмысленным действиям. Второй – способность к эмоциональному восприятию. Если для человека принудительный труд воспринимается как насилие, то можно ли считать переориентацию автономной системы на несвойственные ей функции аналогом принуждения? Пока эти рассуждения остаются гипотетическими, но без их решения невозможно построить правовую основу регулирования новых форм взаимодействия человека и технологии.

Американский исследователь Д. Ганкель выделяет четыре возможных модели признания или отрицания правосубъектности автоматизированных систем [10]:

1. Машины не могут и не должны обладать правами.

2. Машины могут и должны обладать правами.

3. Машины могут иметь права, но не должны ими наделяться.

4. Даже если машины не обладают правами, им все же следует их предоставить.

Первая модель исходит из утилитарного подхода, согласно которому автоматизированная система – это инструмент, созданный человеком и служащий его целям. Однако современная автоматизация нередко не создает новые рабочие места, а вытесняет целые профессии, что делает прежние подходы недостаточными.

Вторая модель предполагает равенство между человеком и интеллектуальной системой при достижении ею уровня самосознания. Хотя подобные случаи пока не реализованы, в мировой практике уже встречаются символические примеры – предоставление гражданства роботу Софии в 2017 году и признание чат-бота Shibuya Mirai «жителем Токио» [11]. Эти примеры отражают тенденцию к расширению правосубъектности, пусть и в символической форме.

Третья модель допускает наличие у технологий когнитивных способностей, но отказывает им в признании личного статуса по социокультурным или политическим причинам. Этот вариант чреват созданием формы цифрового рабства.

Четвертая модель рассматривает возможность предоставления ограниченного набора прав даже без признания сознания, исходя из гуманистического принципа уважения к любой форме «действующего» агента. Однако ее реализация сопряжена с рисками: эмоциональная привязанность людей к социальным роботам может использоваться в манипулятивных целях, особенно когда технологии применяются государствами или корпорациями для воздействия на поведение граждан [12].

Несмотря на то, что потенциальные преимущества и риски широко обсуждались в научной литературе, по-прежнему не хватает эмпирических данных о конкретных этических трудностях, возникающих при

разработке интеллектуальных систем [13]; [14]; [15]. Сокращение этого разрыва между теорией и практикой имеет решающее значение для понимания того, как добиться этического соответствия ИИ в различных сферах.

Таким образом, вопрос о признании автоматизированных систем субъектом права выходит за рамки технической проблематики и требует философско-этического и правового осмысления. В будущем возможно формирование гибридных моделей правосубъектности, основанных на функциональной значимости, уровне автономии и степени социальной вовлеченности систем.

Заключение. ИИ является мощной технологией, оказывающей прямое и опосредованное влияние практически на все сферы человеческой жизни. Его развитие требует четких этических и правовых оснований. Осознание потенциальных рисков является необходимым условием подготовки общества и государства к дальнейшей интеграции ИИ. Устойчивое и легитимное использование ИИ возможно лишь при соблюдении определенных условий.

Одним из таких условий является прозрачность процессов сбора и обработки данных. Нельзя требовать раскрытия исходного кода, однако происхождение обучающих наборов данных и параметры, применяемые при алгоритмическом

обучении, должны быть доступны в случаях, когда результаты работы системы затрагивают права или законные интересы лиц. Современные архитектуры нейронных сетей включают скрытые слои, недоступные человеческому контролю, что усиливает значение объяснимых и поддающихся аудиту моделей ИИ.

Вторым условием выступает формирование правовой основы для создания, внедрения и использования систем ИИ. Такая основа особенно важна в высокорисковых сферах, включая здравоохранение, образование и правоохранительную деятельность. Она должна определять обязанности разработчиков и операторов, предусматривать механизмы подотчетности и обеспечивать соблюдение фундаментальных прав.

Третьим условием является консолидация этических стандартов. Это предполагает систематическое изучение этических принципов, регулирующих использование ИИ, и разработку соответствующих кодексов этики – как в обязательной форме, так и в формате «мягкого права».

Наконец, необходимо активное взаимодействие с общественностью. Граждане должны быть информированы как о преимуществах, так и о рисках, связанных с ИИ. Доверие, осведомленность и правовая определенность вместе образуют основу социально устойчивого управления ИИ.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-78-10011 «Концептуальные и прикладные аспекты разработки практико-ориентированных цифровых проектов криминалистического значения», <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>.

Список использованной литературы:

1. Barrett, J. Conceptualizing a Nonnatural Entity: Anthropomorphism in God Concepts / J. Barrett, C.F. Keil // *Cognitive psychology*. – 1996. – № 31. – Pp. 219-247.
2. Yukdowsky, E. Artificial Intelligence as a Positive and Negative Factor in Global Risk. *Global Catastrophic Risks* / E. Yukdowsky. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 576 p.
3. Liao, S. IBM didn't inform people when it used their Flickr photos for facial recognition training [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.theverge.com/2019/3/12/18262646/ibm-didnt-inform-people-when-it-used-their-flickr-photos-for-facial-recognition-training> (дата обращения: 31.08.2025).
4. Donoso, M. Human cognition. Foundations of human reasoning in the prefrontal cortex / M. Donoso, A. Collins, E. Koechlin. – Science (New York, N.Y.), 2014. – 344 p.
5. Vanderelst, D. An architecture for ethical robots inspired by the simulation theory of cognition / D. Vanderelst, A. Winfield // *Cognitive Systems Research*. – 2018. – Volume 48. – Pp. 56-66.

6. Contissa, G. The Ethical Knob: ethically-customisable automated vehicles and the law / G. Contissa, F. Lagioia, G. Sartor // *Artificial Intelligence and Law*. – 2017. – № 25. – Pp. 365-378.
7. Lin, P. *Robot Ethics: the Ethical and Social Implications of Robotics* / P. Lin, K. Abney, G.A. Bekey. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2014. – 118 p.
8. V. Frissen, G. Lakemeyer, G. Petropoulos. Ethics and artificial intelligence [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bruegel.org/2018/12/ethics-and-artificial-intelligence/> (дата обращения: 01.09.2025).
9. B. Heater. The lonely death of Jibo, the social robot [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://techcrunch.com/2019/03/04/the-lonely-death-of-jibo-the-social-robot/> (дата обращения: 01.09.2025).
10. Gunkel, D.J. *Robot rights* / D.J. Gunkel. – Cambridge, MA: MIT Press, 2018. – 256 p.
11. Robertson, J. Human rights vs. Robot rights: Forecasts from Japan / J. Robertson // *Critical Asian Studies*. – 2014. – Volume 46. Issue 4. – Pp. 571-598.
12. M. Scheutz. The Inherent Dangers of Unidirectional Emotional Bonds between Humans and Social Robots Conference: Workshop on Roboethics at ICRA // – 2009 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/255701465_The_Inherent_Dangers_of_Unidirectional_Emotional_Bonds_between_Humans_and_Social_Robots (дата обращения: 01.09.2025).
13. Radanliev, P. AI Ethics: Integrating Transparency, Fairness, and Privacy in AI Development [Электронный ресурс] / P. Radanliev // *Applied Artificial Intelligence*. – 2025. – № 39 (1). – Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/08839514.2025.2463722> (дата обращения: 26.11.2025).
14. Galiana, L.I. Ethics and artificial intelligence / L.I. Galiana, L.C. Gudino, P.M. González // *Revista Clínica Española (English Edition)*. – 2024. – Т. 224. № 3. – С. 178-186.
15. Arbelaez Ossa, L. Integrating ethics in AI development: a qualitative study [Электронный ресурс] / L. Arbelaez Ossa, et al. // *BMC Med Ethics*. – 2024. – № 25. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/s12910-023-01000-0> (дата обращения: 26.11.2025).

References:

1. Barrett, J. Conceptualizing a Nonnatural Entity: Anthropomorphism in God Concepts / J. Barrett, C.F. Keil // *Cognitive psychology*. – 1996. – № 31. – Pp. 219-247.
2. Yukdowsky, E. *Artificial Intelligence as a Positive and Negative Factor in Global Risk. Global Catastrophic Risks* / E. Yukdowsky. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 576 p.
3. Liao, S. IBM didn't inform people when it used their Flickr photos for facial recognition training [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.theverge.com/2019/3/12/18262646/ibm-didnt-inform-people-when-it-used-their-flickr-photos-for-facial-recognition-training> (дата обращения: 31.08.2025).
4. Donoso, M. Human cognition. Foundations of human reasoning in the prefrontal cortex / M. Donoso, A. Collins, E. Koechlin. – Science (New York, N.Y.), 2014. – 344 p.
5. Vanderelst, D. An architecture for ethical robots inspired by the simulation theory of cognition / D. Vanderelst, A. Winfield // *Cognitive Systems Research*. – 2018. – Volume 48. – Pp. 56-66.
6. Contissa, G. The Ethical Knob: ethically-customisable automated vehicles and the law / G. Contissa, F. Lagioia, G. Sartor // *Artificial Intelligence and Law*. – 2017. – № 25. – Pp. 365-378.
7. Lin, P. *Robot Ethics: the Ethical and Social Implications of Robotics* / P. Lin, K. Abney, G.A. Bekey. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2014. – 118 p.
8. V. Frissen, G. Lakemeyer, G. Petropoulos. Ethics and artificial intelligence [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bruegel.org/2018/12/ethics-and-artificial-intelligence/> (дата обращения: 01.09.2025).
9. B. Heater. The lonely death of Jibo, the social robot [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://techcrunch.com/2019/03/04/the-lonely-death-of-jibo-the-social-robot/> (дата обращения: 01.09.2025).

01.09.2025).

10. Gunkel, D.J. Robot rights / D.J. Gunkel. – Cambridge, MA: MIT Press, 2018. – 256 p.
11. Robertson, J. Human rights vs. Robot rights: Forecasts from Japan / J. Robertson // *Critical Asian Studies*. – 2014. – Volume 46. Issue 4. – Pp. 571-598.
12. M. Scheutz. The Inherent Dangers of Unidirectional Emotional Bonds between Humans and Social Robots Conference: Workshop on Roboethics at ICRA // – 2009 [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/255701465_The_Inherent_Dangers_of_Unidirectional_Emotional_Bonds_between_Humans_and_Social_Robots (data obrashhenija: 01.09.2025).
13. Radanliev, P. AI Ethics: Integrating Transparency, Fairness, and Privacy in AI Development [Jelektronnyj resurs] / P. Radanliev // *Applied Artificial Intelligence*. – 2025. – № 39 (1). – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1080/08839514.2025.2463722> (data obrashhenija: 26.11.2025).
14. Galiana, L.I. Ethics and artificial intelligence / L.I. Galiana, L.C. Gudino, P.M. González // *Revista Clínica Española (English Edition)*. – 2024. – T. 224. № 3. – S. 178-186.
15. Arbelaez Ossa, L. Integrating ethics in AI development: a qualitative study [Jelektronnyj resurs] / L. Arbelaez Ossa, et al. // *BMC Med Ethics*. – 2024. – № 25. – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1186/s12910-023-01000-0> (data obrashhenija: 26.11.2025).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Мұхтар Бейбітұлы Садықов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының арнайы заң пәндері кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), мемлекеттік басқару магистрі (Назарбаев университеті), e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

Садықов Мухтар Бейбутович – старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии (PhD), магистр государственного управления (Назарбаев университет), e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

Sadykov Mukhtar Beybutovich – Senior Lecturer at the Department of Special Legal Disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, PhD, Master of Public Administration (Nazarbayev University), e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

Дмитрий Валерьевич Воронков – В.Ф. Яковлев атындағы Орал мемлекеттік заң университетінің криминалистика кафедрасының меңгерушісі, заң ғылымдарының докторы, доцент, e-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com.

Воронков Дмитрий Валерьевич – заведующий кафедрой криминалистики Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук, доцент, e-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com.

Voronkov Dmitry Valeriyevich – Head of the Department of Forensics, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Law, Associate Professor, e-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com.